

А.Е. Козлов

**«ДЕСЯТЬ ДНЕЙ НА БОСФОРЕ»:
ТРАВЕЛОГИ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ**

В статье рассматриваются травелогии «Русского вестника» (1860–1880-х гг.) как составляющие глобального идеологического проекта, реализуемого изданием. Несмотря на устоявшуюся репутацию консервативного (даже ультраконсервативного) органа, «Русский вестник» предлагал вниманию читателей травелогии разнообразной тематики. На примере «азиатских» травелогов рассматривается не только социальное проектирование, но и идеологическое моделирование «чужого» пространства, осуществляемое через искусственное присвоение инокультурных реалий, включение их в интегральную национальную картину мира. Обзор завершается анализом фельетонного текста «Десять дней на Босфоре», в котором посредством беллетристических приемов (игра с читателем, насыщенность аллюзиями) также решалась идеологическая задача.

Ключевые слова: «Русский вестник», травелог, Восток, идеологическое моделирование, «Десять дней на Босфоре».

В истории общественных идей второй половины XIX в. «толстый журнал», как известно, играл определяющую, ключевую роль. Зачастую предстывая социальной и идеологической платформой, журнал становился средством идентификации читателя: так, например, интересы разночинной интеллигенции и демократии 60-х гг. локализовались в «Современнике» и «Русском слове», либеральной и консервативной части общества – в «Отечественных записках», «Вестнике Европы» и «Русском вестнике». Следуя этой логике, солидарный с той или иной идеологической линией читатель путевых очерков выбирал соответствующий тип путешествия – с бедным разночинцем по степи (пешком), с дворянином в покойной карете или по всему свету – по суше и морю с военным офицером. Такая идентификация далеко не всегда соответствовала реальному поло-

жению дел, тем не менее именно средствами журналистики и ее ключевых форм осуществлялись социальная демаркация, выбор «течений» и «направлений» [1–3].

Как известно, среди наиболее знаковых форм рассматриваемого периода традиционно выделяются *очерк* и *фельетон*, занимающие пограничное место между художественной литературой и публицистикой. Наряду с этими формами, принимая конвенциональность последней номинации, можно выделить и *травелог* – форму, содержательно определяемую сюжетом путешествия, тяготеющего, в свою очередь, к документалистике¹. По-прежнему актуально суждение М.В. Строганова и Е.Г. Милюгиной, которые утверждают: «Понятие *травелог* не так давно вошло в научный оборот и пока еще не затвердело в границах строгих дефиниций. Проблемы уяснения его жанровой сущности и временных границ связаны с разнообразием феноменов художественного и научного творчества, которые называют этим термином» [4. С. 17]. Представляя полижанровое явление, или синтетическую форму репрезентации события, травелог формируется на пересечении разных, поэтологически далеких жанров; так, очевидная ориентированность на документальность сближает его с публицистикой, в то же время приемы, которые используют повествователи, зачастую характерны для беллетристики и развлекательной литературы. Интерес широкого круга исследователей: историков, филологов, культурологов – к заявленной проблематике свидетельствует об универсальном характере травелога [5–8].

Кажется очевидным, что изучение толстожурнальных травелогов должно быть направлено, с одной стороны, на выявление типичных повествовательных особенностей, характерных как для журнала (и его «направления»), так и для журналистики изучаемого периода, и изучение стереотипов и моделируемых образов – с другой. В то же время можно утверждать, что большинство толстожурнальных травелогов представляют собой в прагматическом плане элементы социально-просветительского и идеологического проекта, коррелирующего с тактикой и стратегией толстого журнала.

Последнее замечание объясняет выбор материала исследования. В истории журналистики значение «Русского вестника» несомненно, поскольку большинство по-настоящему резонансных, преце-

¹ Представляется продуктивным рассмотрение травелога как особой жанровой деривации очерков (в следовании документальному вектору) и фельетона (в характерной игре с читателем).

дентных текстов эпохи, ставших ключевыми в истории русской культуры, было опубликовано именно в нем. В то же время неоднозначной кажется репутация издания, колеблющегося от либерального и прогрессивного до реакционного, консервативного (и даже – черносотенного).

Говоря о травелоге как ключевой форме времени, следует отметить, что за 25 лет существования «Русского вестника», руководимого М.Н. Катковым, появилось свыше 200 путевых очерков и иных форм, направленных на репрезентацию путешествия как опыта вседневного постижения действительности. При этом, около 160 травелогов было посвящено европейскому и азиатскому пространству. Как справедливо отозвался экономист и общественный деятель В. Безобразов, «...нет такого дурака на свете, который по своей воле стал путешествовать по России» [9. С. 610]. В другом своем очерке, намеренно игнорируя дорожные впечатления, он же писал: «Да едва ли и есть на Руси города, кроме столиц, где бы на путешественнике лежала тяжкая обязанность что-либо осматривать» [10. С. 266]. Такое отношение к «своему» было «общим местом» русского путевого очерка:

Я высунулся в окно, готовясь наслаждаться прекрасными видами, но пыль слепила глаза, лезла в нос, покрывала лицо... Я с досадой откинулся вглубь кареты, мысленно отправив читателя моих заметок в любое описание какого-нибудь путешествия... Авторы их тороваты на описание всевозможных картин природы!.. [11. С. 130].

Более того, складывается впечатление, что такая ситуация десятилетиями оставалась неизменной. Как писал спустя 15 лет В. Крестовский:

Русские люди, принадлежащие даже к образованной среде, вообще очень мало знают у нас наши собственные города и области, входящие в состав нашего отечества, то есть, говоря откровенно, понятий у нас о многих из городов нет никаких, или же самые смутные, и хорошо ещё, если мы знаем их по имени... [12. С. 302].

Тем не менее описание путешествия по России не встретило такого сочувствия у читателя журнала, как, например, экзотические травелоги того же автора. По-видимому, хорошо освоенное российское пространство воспринималось читателем как гомогенное: оно не нуждалось в идеологическом моделировании, создавая впечатление понятного и тотально изученного [13]. Пожалуй, единственным

топосом, неизменно привлекавшим к себе внимание, как и в прочих журналах, была Сибирь [14].

Карта мира, представленная в травелогах «Русского вестника», является любопытный материал, связанный с моделированием и ремоделированием эмпирического пространства. Фактически авторы травелогов открывали перед читателем, зачастую провинциальным, «оседлым», порой лишенным возможности путешествовать, социальное измерение иностранных стран и городов. Взгляд на это пространство сквозь толстожурнальный травелог зачастую формировал простейшую систему соотношений: *Азия = чужое, прошлое, Европа = свое, настоящее, Америка = будущее*, осложняемую имперской оптикой.

В то же время чужой, имагологически маркированный топос часто осмысливается в травелогах посредством метафорического интегрального элемента. Так, обращаясь к своим впечатлениям, оставшимся после поездки в Японию, А. Корнилов писал: «...японка жалобным завывающим голосом поет свою песню, перемешивая ее с жестами и декламацией. Она тотчас напомнит вам русское кладбище и на нем воющую бабу» [15. С. 50]¹.

Не менее любопытно включение в идеологические травелоги разговоров или сцен из русской литературы. Так, находясь в Гонконге, А. Вышеславцев рассказывает об оказанном русским путешественникам дипломатическом приеме. О своем собеседнике автор путевых заметок отзывается с иронией:

Воспоминания его перенесли меня ко временам Арзамасского общества. Он рассказывал о друге своем, Карамзине, и говорил с восторгом о Державине. О новой русской литературе, начиная с Пушкина, он не имел понятия. Для нас это был человек минувшего, пришедший после сорокалетнего сна рассказывать о том, что он еще видел, засыпая [16. С. 142].

Таким образом, весь азиатский мир, вне зависимости от географических координат, объявлялся отсталым: незнание национальной, в частности русской, литературы становится здесь исчерпывающим свидетельством общей неразвитости².

¹ Не менее любопытны упоминания А. Корнилова о своеобразном подарке, сделанном японской делегацией, – постановке гоголевского «Ревизора» для русской дипломатической миссии.

² Несколько иначе А. Вышеславцев рассказывает о своем пребывании в Америке. Вслед за Циммерманом, признавая прогрессивность Нового Света, он в то же время пытается осмыслить происходящее через знакомые русскому читателю образы. Так, говоря о

В травелогах «восточноазиатского» вектора можно встретить характерные сюжетные ситуации, представляющие диалог двух сознаний: европейского, «пророссийского» (в ряде случаев «пра-») и чужого, азиатского. Как пишет И. Березин, рассказывая о пренебрежительном отношении арабов: «Признаюсь, европейцу, считающему себя в Азии венцом творения, очень прискорбно перенести такой ответ» [18. С. 632]. Показателен и диалог, приведенный этнографом:

- Иншалла! – отвечал мне в свою очередь мирза: Всевышний господь скоро возвеличит правоверием вашего государя Петра.
- Какого Петра, душа моя, Али?
- Вашего нынешнего государя.
- Император Петр, истинный шахиншах, царствовал тому сто с лишком лет, а ныне царствует Николай [18. С. 266].

Через подобные диалоги демонстрируется отрешенность азиатского мира от больших европейских событий. В этом контексте прочитывается и экзамен, инициируемый представителем турецкой таможни, который описывает в своих очерках сербский путешественник Ф. Бацетич, произвольно изменяя контуры Турции, Сербии и Российской империи:

Я хотел было по-прежнему очертить величину Турции, но мой проводник опытным взглядом напомнил мне быть осторожным. Я стал обводить пальцем границы владений падишаха, начиная от Молдавии, Сербии, Герцеговины, Албании, Эпира до самого Константинополя, туда же поместил Ионические острова, Грецию, все Черное море и, простите, снисходительный читатель, у страха глаза велики, захватил даже Крым и Одессу... [19. С. 664].

На вопрос изумленных таможенников путешественник отвечает: «Я хотел показать вам, как думают те, которые не знают турецкой силы и только марают бумагу, не понимая сами, что говорят и пишут» [19. С. 665]. Знаменателен и ответ: «Какие земли нужны были султану, он их отнял у Москова, а похуже ему остались» [19. С. 665]. При этом Сербия и Болгария в большинстве рассмотренных травелогов предстают не только продолжением «славянского мира», но и осмысляются как потенциальная часть Российской империи.

молодых американках, он завершает свое рассуждение словами: «...они делают все то, что происходит в семействе какого-нибудь Сквозника-Дмухановского, когда у него соберутся дочери судьи, и Земляники, и Добчинские с Бобчинскими» [17. С. 17].

Итак, большинство рассмотренных выше тревелогов отчетливо публицистичны. Избирая форму художественного повествования, путешественники в то же время намеренно или непроизвольно, сообщая свое видение действительности, обращаются к социальному и идеологическому моделированию, в равной мере утверждая существующие стереотипы, так и, напротив, позволяя их преодолеть. Очевидно, что общей интенцией становится «метонимическое» прочтение пространства – через отдельного представителя, отдельный локус или культурный артефакт дается представление о целом, как правило, периферийном, относительно российского как европейского сознания.

Особое напряжение в путевых описаниях наблюдается в период 1870 – начала 1880-х гг., когда большая часть путевых очерков, записок, дневников и писем, публикуемых на страницах «Русского вестника», оказывается сосредоточенной на разрешении турецкого вопроса и дипломатическом кризисе в Константинополе¹. Знаменательно, что задолго до русско-турецкой военной кампании практически каждое посещение Константинополя в путевых записках становится эквивалентным его «присвоению» [36]. При этом можно констатировать неоднородность наблюдаемого материала: от нейтральных туристических заметок к концу 1870-х гг. происходит поворот в сторону мемуаров, принадлежащих военным и добровольцам, а также членам дипломатической миссии. Наблюдаемые ландшафты нередко становятся в указанных текстах объектом не только рефлексии, но и почти неприкрытых притязаний на территорию города и его главную достопримечательность – храм Св. Софии².

В этом контексте мы подробнее остановимся на фельетоне «Десять дней на Босфоре» (1883)³, в центре внимания которого оказы-

¹ См. некоторые из них: [19–35]. Данный список может быть продолжен, однако даже по этим источникам можно убедиться в некотором единстве нарративных и прагматических стратегий, чего нельзя сказать о рассмотренном фельетоне.

² Например, в опубликованных в 1880 г. письмах П.А. Каратыгина приводится фрагмент из его сочинения: «С надеждой твердою и верой во Христа // С любовью к Царю пойдут сыны России, // И снова заблестит сияние креста // На куполе святой Софии» [37. С. 142]. Исходя из общего идеологического пафоса консервативных изданий рассматриваемого периода, можно назвать это высказывание одной из имперских формул второй половины XIX в.

³ Имя автора тревелого не установлено. Очевидно, речь идет о журналисте катковского круга, сотрудничавшем с «Московскими ведомостями» и, более того, поместившем там корреспонденцию на сходную тему. На наш взгляд, наиболее вероятной кажется принадлежность рассматриваемого текста сотруднику «Московских ведомостей» Н.Я. Гроту, Ю. Щербачеву или Е.П. Новикову. Последнему, долгое время прожившему в

ается не экзотическое пространство, а тривиальная и часто выходящая за пределы этически дозволенного реакция русских туристов. Публицистическое уступает в тексте место сатирическому, а принадлежность к травелогу во многом ограничивается названием. Учитывая то обстоятельство, что фельетоны вообще были мало свойственны и органичны поэтике «Русского вестника», есть основания предполагать особую прагматическую задачу, решаемую публикацией данного текста.

Повествование ведется от лица босфорского старожилы, гражданина Российской империи – праздного человека, не военного и не дипломата, по-видимому, долгое время жившего в Константинополе, кроме того, имевшего в Севастополе родственников. Собственно, приезд севастопольской тетки, о котором сообщается в тексте депеши: «Arrivons demain, embrassons tendrement. Petka Macha» [38. С. 198], и становится сюжетообразующим событием. При этом с первых страниц фельетона запускается своеобразный механизм интерпретации, действие которого отменяет неправомерные догадки читателя, давая ему взамен некоторые *проницательные* суждения:

Разумеется, я понял, что *petka* значило «тетка» и что множественное число в глаголах намекает о двух или нескольких посетителях; одно было для меня темно: как это моя тетушка, бесспорно умная женщина, вместо «embrassons tendrement» не проставила чего-нибудь понужнее, например, когда приблизительно должен прийти пароход или сколько именно с нею человек приезжает [38. С. 198].

Разгадав таким образом текст телеграммы, босфорский родственник, играя пассивную роль в будущей комедии положений, заказывает завтрак на троих.

В день приезда первоначальный план повествователя, как и его интерпретация, рушатся:

Однако что же это, насмешка? Еще какие-то русские дети... Все это общество несомненно очутится на моем попечении. Теперь букеты хоть в воду бросай, завтрак тоже пропал: я так голоден, что его на меня одного не хватит. Боже мой, еще трое... это уж слишком, остается самому вслед за букетами броситься в море [38. С. 199].

Константинополе, принадлежит серия публикаций, озаглавленных «Константинопольские письма». Однако эти указания носят исключительно характер предположений, не связанных с документально подтвержденной атрибуцией.

Стараюсь среди перекрестного огня расспросов и поцелуев незаметно пересчитать дорогих гостей. Их девять душ! [38. С. 200].

Так возникающий эффект обманутого ожидания (в сущности, навязанный читателю повествователем), демонстрирует в довольно комическом ракурсе предельное раздражение, вызванное появлением русских туристов (что является опознаваемой чертой русского форестьера), далее сменяемое неизбежным смирением. Повествователь подробно объясняет ход своих мыслей и дальнейших действий:

Итак, мне предстоит возить целый пансион по константинопольским примечательностям и окрестностям. Пансион пробудет здесь с лишком неделю, и мы успеем осмотреть если не все, то главное (всего смотреть и не стоит). Не воспользоваться ли этим случаем, чтобы сидя на месте описать вам «Путешествие из Константинополя» [38. С. 200].

Совпадение двух различных интенций – путешествия (точнее, путешествования) и письма, являясь распространенным нарративным приемом, становится одним из первых маркеров литературной подоплеку происходящего.

Действительно, далее перед читателем – «дневник одной недели», повествование о десятидневном путешествии, в котором принимают участие франкофилы Кроликовы, типичные «русские парижанцы», малолетние избалованные дети, точно сошедшие со страниц «Живописца» или «Трутня», капризные барышни – своего рода липецкие кокетки или крыловские дочки и, разумеется, тетка Маша, сочетающая в своем характере черты Афросиньи Сыроевны¹ и г-жи Простаковой. При этом, называя головной убор тетки *тарантасом*, повествователь не только показывает несообразность бытовых привычек русских туристов, но и, подчеркивая самую идею движения, указывает на один из прецедентных текстов в истории русского травелога. Так, с первых страниц, достигая повышенной плотности интертекста, автор травелога фактически разрушает каноническую модель реалистического повествования (в полной мере утвержденную «Фрегатом Паллада» И.А. Гончарова), возвращая своего читателя ко времени комедиографии екатерининской эпохи и первым сентиментальным путешествиям.

¹ Персонаж комедии М.И. Веревкина «Так и должно».

Организуя роли своих гостей, повествователь выстраивает предельно марионеточный сюжет, где каждый член «пансиона» выполняет однозначную функцию, определяемую его характером. Здесь можно увидеть довольно прозрачную аналогию, возникающую между эмпирическим читателем и условным типом: так, дети, задающие глупые вопросы и совершающие необдуманные поступки, соответствуют усредненному адресату детской литературы, искусственные франкофилы Кроликовы – типичным русским туристам, наконец, кокетничающие племянницы – читательнице (столь важному адресату, начиная с прозы Н.М. Карамзина). Все вопросы, которые сыплются на героя, так или иначе соотносятся с возможными вопросами моделируемого читателя, при этом характерологический круг, очерченный в произведении, позволяет представить несколько равно усредненных картин Босфора и Константинополя.

Проводя своих спутников по константинопольским достопримечательностям, рассказчик дает емкие описания увиденного: константинопольских садов (вторник), базаров (среда), зрелищ (воющих и танцующих дервишей, увиденных в четверг и пятницу), турецких мечетей и храма Св. Софии (суббота). Любопытны замечания, оставаемые об увиденном теткой героя. Так, получив предложение подняться на башню Сераскерата во дворце Магомета II, она отвечает: «С нас и Ивана Великого довольно <...> были мы там раз; ничего хорошего: высоко, страшно и на другой день ноги болят» [38. С. 245]. Точно так же, утомившись зрелищем экзотических видов, русская родственница, подобно обитателю мифологической Обломовки, восклицает: «Эх, теперь кваску бы!» [Там же. С. 252]. Этот возглас сопровождается ироническим комментарием:

Милая тетя! Четырьмя этими словами да сопровождающимся потягиванием, она, как волшебница, перенесла меня от цветущих и благоухающих павлоний, от махровых и выющихся роз <...> в далекую аллею, где вечно царствуют зеленые сумерки, где так вкусно обедается под жужжание пчел и шелест листьев, где каждый день подается сначала ботвинья со льдом, а в заключение простокваша...

Но подавим прилив патриотизма и не будем воспевать русских прохладительных блюд и напитков, поэзия которых останется темною для тех, кто не страдал тоской по родине под знойным небом Юга [Там же. С. 252].

Однако большую часть повествования герои путешествия существуют номинально. В любой момент возможным становится переключение повествовательного плана, когда марионеточные характеры устраниаются, а увиденное предстает в безличном модусе. Так, автору фельетона удастся подробно рассказать о местоположении Константинополя¹, сопроводив рассказ иллюстрированным описанием [38. С. 211–212], недавно открытом Robert College [Там же. С. 203–205], акцентировать внимание на социальных и гигиенических проблемах – бродячих собаках, бегающих по городу [Там же. С. 201–202], и нищих, а также в популярной форме представить особенности измерения времени по турецким часам [Там же. С. 211]. Отдельного внимания заслуживает описание денежного курса [Там же. С. 209–210], в котором политико-экономические тонкости излагаются с легкостью и непринужденностью раннего «Современника».

По истечении десяти дней повествователь торжественно везет пансион к ожидающему его пароходу. Закономерный вопрос о понравившемся и запомнившемся разрешается в духе анекдотического сюжета:

- А что вам больше всего понравилось?
- Во-первых, когда мы подъезжали, и потом, когда ночью пили на крыше чай [Там же. С. 257].

Отъезд родственников составляет заключительное фабульное звено: вместе с исчезновением литературных типов иссякает и энергия сюжета. Как видим, в заключительном ответе продемонстрирован нулевой результат осуществленной поездки: все сколько-нибудь экзотическое, составляющее подлинную поэзию места, не укладывается в прокрустово ложе обывательского воззрения, а потому оказывается отброшенным за ненадобностью. В то же время еще раз подчеркивается предельно усредненная картина мира, где путешествие в Константинополь, теряя свои краски, становится элементом филистерской повседневности и быта.

Шуточный фельетонный путеводитель, построенный на нелепом приезде родственников, выполнен в духе английской юмористиче-

¹ В ряде случаев повествователь апеллирует к своему детскому и, более того, школьному опыту: «Сужу отчасти по самому себе: в гимназии, в младших классах я считался чуть не первым учеником по географии, а между тем на экзамене, глядя на карту малого масштаба, отвечал, что столица Турции стоит на берегу Черного моря, и получил отличный балл. Про Золотой рог учитель географии не спросил и хорошо сделал: я решительно не сумел бы ответить, потому что не знал, что это – река, дворец или мечеть» [38. С. 212].

ской литературы. Легкий сюжет и опознаваемые характеры создают иллюзию полного присвоения пространства, а повествователь, точно сошедший со страниц «Пиквикского клуба», будучи праздным лицом, существующим вне привычных иерархий (не дипломат, не доброволец и не военный), воспринимался, по всей видимости, в рамках привычной национальной и социальной идентичности. Этот рассчитанный, по-видимому, эффект, превращал шуточный текст в популярное пособие для цивилизованного туриста: развлекая читателя, анонимный автор в то же время настойчиво, но ненавязчиво давал точные представления о некогда заповедном Константинополе. Этим, в частности, объясняется специфика повествования, балансирующего между привычным имперским полюсом и совокупной карикатурой, в которой отразились все пороки и глупости современных русских туристов.

Приведенные выше примеры, равно как и последний разбор фельетона, показывают разнообразные прагматические установки, реализуемые русским толстожурнальным травелогом. Как известно, травелого довольно часто являлись элементами тиражной продукции, то многократно воспроизводя некогда сказанное и описанное (включая прямые заимствования из путеводителей), то представляя апробированный инструмент идеологического влияния редакции и определяя мировоззрение читателя, то «заполняя» пустые места, порой неожиданно возникающие лакуны в толстых журналах. Тем не менее совершенно разные по своему качеству, собранные вместе, они позволяют с большей точностью реконструировать социальные и идеологические задачи, стоящие перед изданием в целом. Очевидно, что, открывая перед читателем возможность социального освоения пространства и моделируя его через стереотипы и универсалии, автор травелога мог в любой момент перейти от такого социального и эмпирического проектирования к идеологическому. В этом случае за освоением пространства неминуемо следовало его присвоение, построенное на идеологических координатах.

В то же время травелого «Русского вестника» входят в интенсивное взаимодействие с иными жанрами беллетристики и публицистики, следствием чего становятся как изменение контуров периферии, так и трансформация жанрового ядра. Этим, возможно, и определяется, с одной стороны, исследовательская оптика, позволяющая рассматривать травелого и с точки зрения их поэтики (т.е. как художественные тексты), и с точки зрения нарратива (как выска-

звания в широком смысле этого слова), и с точки зрения прагматики (как элементы публицистического дискурса) и произвести демаркацию между вершинными, или классическими, образцами путевой прозы (от Карамзина до Гончарова) и периферийной продукцией, часто отличающейся злободневностью, но бесполезной с точки зрения эстетических задач.

Таким образом, очерки, письма, путевые заметки – разнообразные жанровые формы, репрезентирующие событие путешествия, безусловно, делали читателя сопричастным мировой хронике, по своему синхронизируя биографическое время с фундаментально-историческим [39]. Сказанное выше позволяет рассматривать их в первую очередь как элементы социального и идеологического проекта, при реализации которого задачи эстетики становились чем-то второстепенным, уступая место прагматике, что, в сущности, сближает рассмотренные травелоги «Русского вестника» с публицистикой изучаемого периода.

Литература

1. *Зыкова Г.В.* Поэтика русского журнала. М.: Макс Пресс, 2005. 203 с.
2. *Трофимова Т.А.* «Положительное начало» в русской литературе XIX века («Русский вестник» М.Н. Каткова): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 184 с.
3. *Печерская Т.И.* Травелог в «Русском слове»: к вопросу о редакционной тактике журнала // Русский травелог XVIII–XX веков / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, 2015. С. 482–502.
4. *Строганов М.В., Милюгина Е.Г.* Русская культура в зеркале путешествий. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2013. 176 с.
5. *Алексеев П.В.* Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. 2014. № 2. С. 34–46.
6. *Анисимов К.В.* Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 5–21.
7. *Банах И.В.* Нарративная структура жанра путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2004. 21 с.
8. *Мамуркина О.В.* Художественный нарратив в путевой прозе второй половины XVIII века: генезис и формы: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 188 с.
9. *Безобразов В.* Из путевых записок // Русский вестник. 1864. Т. 51. С. 264–308.
10. *Безобразов В.* Из путевых записок // Русский вестник. 1861. Т. 34. С. 264–308.
11. *М.С.* Прогулка в Нижний Новгород // Русский вестник. 1860. Т. 29. С. 128–143.
12. *Крестовский В.* От Белостока до Беловежской пуши // Русский вестник. 1876. Т. 121. С. 523–566.
13. *Душечкина Е.В.* «От Москвы до самых до окраин...»: Формула протяжения России // Риторическая традиция и русская литература. СПб., 2003. С. 108–125.

14. Меднис Н.Е. Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016. С. 21–36.
15. Корнилов А. Из Японии // Русский вестник. 1859. Т. 14. С. 43–55.
16. Вышеславцев А. Гонконг // Русский вестник. 1861. Т. 28. С. 105–160.
17. Вышеславцев А. От Таити до Буэнос-Айреса // Русский вестник. 1861. Т. 30. С. 5–68.
18. Березин И.Н. Сцены в пустыне // Русский вестник. 1856. Т. 5. С. 258–285.
19. Бацетич Ф.М. Из путевых записок: Сербия и Турция // Русский вестник. 1875. Т. 119. С. 661–717.
20. С. [Новиков Е.П.] Константинопольские письма // Русский вестник. 1867. Т. 69. С. 5–60.
21. Берг Н.В. Мои скитания по белу свету: Из Яффы домой // Русский вестник. 1867. Т. 71. С. 195–216;
22. Новиков С.Н. От Константинополя до Александрии: Дневник, веденный на пароходе // Русский вестник. 1868. Т. 74. С. 514–559.
23. С. [Новиков Е.П.] Письма о Греции // Русский вестник. 1868. Т. 77. С. 427–461.
24. С. [Новиков Е.П.] Письма о Греции // Русский вестник. 1868. Т. 78. С. 140–164, 365–398.
25. Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1782 году // Русский вестник. 1876. Т. 123. С. 505–570.
26. Арбузов Н.К. Воспоминания Русского туриста: Двухмесячное пребывание в Константинополе в смутное время // Русский вестник. 1876. Т. 124. С. 873–889.
27. Арбузов Н.К. Воспоминания Русского туриста: Двухмесячное пребывание в Константинополе в смутное время // Русский вестник. 1876. Т. 125. С. 462–490.
28. М-к. Поездка из Константинополя в Сараево в 1874 году // Русский вестник. 1876. Т. 125. С. 628–677.
29. Щербачев Ю.Н. Из Константинополя в Каир в 1876 году // Русский вестник. 1879. Т. 140. С. 138–223.
30. Леонтьев К. Мои воспоминания о Фракии // Русский вестник. 1879. Т. 140. С. 256–289.
31. Леонтьев К. Мои воспоминания о Фракии // Русский вестник. 1879. Т. 141. С. 206–214.
32. Леонтьев К. Мои воспоминания о Фракии // Русский вестник. 1879. Т. 143. С. 155–182.
33. Вышеславцев А.В. Между храмов и развалин // Русский вестник. 1880. Т. 145. С. 5–79.
34. Аристид М. Прямым путем и околицей: Отрывок из воспоминаний о путешествии в летнее время 1876 года по Румынии, Сербии и Турции // Русский вестник. 1880. Т. 148. С. 533–569.
35. Гурьев В.В. Письма священника с похода 1877–1878 // Русский вестник. 1880. Т. 150. С. 120–157.
36. Козлов А.Е. «Десять дней на Босфоре»: к вопросу об анонимности травелога // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2016. С. 95–104.
37. Письма П.А. Каратыгина // Русский вестник. 1880. Т. 148. С. 119–180.
38. Н. Десять дней на Босфоре // Русский вестник. 1883. Т. 164. № 3. С. 198–257.

39. Янушкевич А.С. От картины мира к образу мира: история становления имагологического текста в русской словесной культуре // Имагология и компаративистика. 2014. № 2. С. 5–16.

«TEN DAYS ON BOSPHORUS»: TRAVELOGUES OF *RUSSEKIY VESTNIK* AS A SOCIAL AND IDEOLOGICAL PROJECT

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 8, pp. 107–123. DOI: 10.17223/24099554/8/6

Alexey E. Kozlov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Keywords: *Russkiy Vestnik*, travelogue, East, ideological modelling, “Ten Days on Bosphorus”.

The article deals with travelogues of *Russkiy Vestnik* [The Russian Messenger] (1860–1880) as components of a global ideological project of the edition. Despite the well-established reputation of a conservative (even ultra-conservative) edition, *Russkiy Vestnik*, like most periodicals, offered the readers travelogues on various topics. For example, travelogues of the “Asian” topic considered ideological modelling of the “alien” space, implemented through the artificial appropriation of other peoples’ realities, their inclusion in the integral national picture of the world. The overview concludes with an analysis of the feuilleton text “Ten Days on Bosphorus” in which, through fiction (play with the reader, saturation with allusions), the ideological task was also solved.

Examples given in the article, as well as the analysis of the feuilleton, show a variety of pragmatic attitudes implemented by the Russian travelogue of the thick magazine. As is known, travelogues were often elements of circulation products that repeatedly reproduced what was once said and described (including direct borrowings from guidebooks) and were an approved tool of ideological influence of the editorial board that determined the reader’s worldview, “filled in” the empty spaces, the unexpected gaps in thick magazines. Nevertheless, completely different in quality, set together they allow to more accurately reconstruct the social and ideological tasks the edition had to solve. Obviously, giving the reader the possibility of social development of space and modelling it through stereotypes and universals, the author of the travelogue could move from the social and empirical design to the ideological one at any time. In this case, the development of space was inevitably followed by its appropriation built on ideological coordinates.

At the same time, the travelogues of *Russkiy Vestnik* intensively interact with other genres of fiction and journalism, the result of which is both the change in the contours of the periphery and the transformation of the genre core. This may determine the research optics which allows to treat travelogues in terms of their poetics (as artistic texts), their narrative (as utterances in the broad sense of the word) and their pragmatics (as elements of journalistic discourse), and to demarcate between the apical or classical samples of travel prose (from Karamzin to Goncharov) and peripheral products, often differing in topicality, but useless in terms of aesthetic tasks.

Thus, essays, letters, travel notes – the various genre forms representing the event of the trip – certainly made the reader a partaker of the world chronicle, synchronising the biographical time with the fundamental historical one in their own way. The foregoing allows to consider travelogues primarily as elements of a social and ideological project, in the implementation of which the problems of aesthetics was a secondary task, giving way

to pragmatics, which, in essence, gives the discussed travelogues of *Russkiy Vestnik* a common ground with the journalism of the period under study.

References

1. Zykova, G.V. (2005) *Poetika russkogo zhurnala* [Poetics of the Russian periodical]. Moscow: Maks Press.
2. Trofimova, T.A. (2007) “*Polozhitel’noe nachalo*” v russkoy literature XIX veka (“*Russkiy vestnik*” M.N. Katkova) [“A positive element” in Russian literature of the 19th century (M.N. Katkov’s *Russkiy Vestnik*):]. Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Pecherskaya, T.I. (2015) Travelog v “Russkom slove”: k voprosu o redaktsionnoy taktike zhurnala [Travelogue in *Russkoe Slovo*: on the issue of the editorial tactics of the magazine]. In: Pecherskaya, T.I. (ed.) *Russkiy travelog XVIII –XX vekov* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
4. Stroganov, M.V. & Milyugina, E.G. (2013) *Russkaya kul’tura v zerkale puteshestviy* [Russian culture in the mirror of travel]. Tver: Tver State University.
5. Alekseev, P.V. (2014) Russkiy oriental’nyy travelog kak zhanr putevoy prozy kontsa XVIII – pervoy treti XIX veka [Russian Oriental Travelogue as a genre of travel prose of the end of the 18th – first third of the 19th century]. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 34–46.
6. Anisimov, K.V. (2014) The eastern travelogue of the 19th century Russian literature: the imagination of imperial peripheries in the perspective of narrative poetics (introductory observations). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 5–21. (In Russian).
7. Banakh, I.V. (2004) *Narrativnaya struktura zhanra puteshestviya (pa materiale russkoy literatury kontsa XVIII – pervoy treti XIX vv.)* [The narrative structure of the travel genre (on the material of Russian literature of the end of the 18th – first third of the XIX centuries)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.
8. Mamurkina, O.V. (2012) *Khudozhestvennyy narrativ v putevoy proze vtoroy poloviny XVIII veka: genesis i formy* [Artistic narrative in the travel prose of the second half of the 18th century: genesis and forms]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Bezobrazov, V. (1864) Iz putevykh zapisok [From travel notes]. *Russkiy vestnik*. 51. pp. 264–308.
10. Bezobrazov, V. (1861) Iz putevykh zapisok [From travel notes]. *Russkiy vestnik*. 34. pp. 264–308.
11. M.S. (1860) Progulka v Nizhniy Novgorod [A trip to Nizhny Novgorod]. *Russkiy vestnik*. 29. pp. 128–143.
12. Krestovskiy, V. (1876) Ot Belostoka do Belovezhskoy pushchi [From Bialystok to Belovezhskaya Pushcha]. *Russkiy vestnik*. 121. pp. 523–566.
13. Dushechkina, E.V. (2003) “Ot Moskvy do samykh do okrain...”: Formula protyazheniya Rossii [“From Moscow to the very outskirts ...”: The formula for the extension of Russia]. In: *Ritoricheskaya traditsiya i russkaya literatura* [Rhetoric Tradition and Russian Literature]. St. Petersburg: St. Petersburg *SU.
14. Mednis, N.E. (2016) Kavkaz i Sibir’ kak dva toposa russkoy literatury i kul’tury XIX veka [The Caucasus and Siberia as two topoi of Russian literature and culture of the 19th century]. In: Pecherskaya, T.I. (ed.) *Russkiy travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topos, genres and narratives]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

15. Kornilov, A. (1859) Iz Yaponii [From Japan]. *Russkiy vestnik*. 14. pp. 43–55.
16. Vysheslavtsev, A. (1861) Gonkong [Hong Kong]. *Russkiy vestnik*. 28. pp. 105–160.
17. Vysheslavtsev, A. (1861) Ot Taiti do Buenos-Ayresa [From Tahiti to Buenos Aires]. *Russkiy vestnik*. 30. pp. 5–68.
18. Berezin, I.N. (1856) Stseny v pustyne [Scenes in the desert]. *Russkiy vestnik*. 5. pp. 258–285.
19. Batsetich, F.M. (1875) Iz putevykh zapisok. Serbiya i Turtsiya [From travel notes. Serbia and Turkey]. *Russkiy vestnik*. 119. pp. 661–717.
20. S. [Novikov, E.P.] (1867) Konstantinopol'skie pis'ma [Constantinople Letters]. *Russkiy vestnik*. 69. pp. 5–60.
21. Berg, N.V. (1867) Moi skitaniya po belu svetu. Iz Yaffy domoy [My wanderings around the world. From Jaffa home]. *Russkiy vestnik*. 71. pp. 195–216;
22. Novikov, S.N. (1868) Ot Konstantinopolya do Aleksandrii. Dnevnik, vedennyi na parokhode [From Constantinople to Alexandria. Diary written on a steamer]. *Russkiy vestnik*. 74. pp. 514–559.
23. S. [Novikov, E.P.] (1868) Pis'ma o Gretsii [Letters about Greece]. *Russkiy vestnik*. 77. pp. 427–461.
24. S. [Novikov, E.P.] (1868) Pis'ma o Gretsii [Letters about Greece]. *Russkiy vestnik*. 78. pp. 140–164, 365–398.
25. Skalon, D.A. (1876) Puteshestvie po Vostoku i svyatoy Zemle v svite velikogo knyazya Nikolaya Nikolaevicha v 1782 godu [Journey through the East and the Holy Land in the retinue of Grand Duke Nikolai Nikolaevich in 1782]. *Russkiy vestnik*. 123. pp. 505–570.
26. Arbutov, N.K. (1876) Vospominaniya Russkogo turista. Dvukhmesyachnoe prebyvanie v Konstantinopole v smutnoe vremya [Memoirs of a Russian tourist. A two-month stay in Constantinople in troubled times]. *Russkiy vestnik*. 124. pp. 873–889.
27. Arbutov, N.K. (1876) Vospominaniya Russkogo turista. Dvukhmesyachnoe prebyvanie v Konstantinopole v smutnoe vremya [Memoirs of the Russian tourist. A two-month stay in Constantinople in troubled times]. *Russkiy vestnik*. 125. pp. 462–490.
28. M-k. (1876) Poezdka iz Konstantinopolya v Saraevo v 1874 godu [A trip from Constantinople to Sarajevo in 1874]. *Russkiy vestnik*. 125. pp. 628–677.
29. Shcherbachev, Yu.N. (1879) Iz Konstantinopolya v Kair v 1876 godu [From Constantinople to Cairo in 1876]. *Russkiy vestnik*. 140. pp. 138–223.
30. Leont'ev, K. (1879) Moi vospominaniya o Frakii [My memories of Thrace]. *Russkiy vestnik*. 140. pp. 256–289.
31. Leont'ev, K. (1879) Moi vospominaniya o Frakii [My memories of Thrace]. *Russkiy vestnik*. 141. pp. 206–214.
32. Leont'ev, K. (1879) Moi vospominaniya o Frakii [My memories of Thrace]. *Russkiy vestnik*. 143. pp. 155–182.
33. Vysheslavtsev, A.V. (1880) Mezhdru khramov i razvalin [Between the temples and the ruins]. *Russkiy vestnik*. 145. pp. 5–79.
34. Aristid, M. (1880) Pryamym putem i okolitsey. Otryvok iz vospominaniy o pute-shestvii v letnee vremya 1876 goda po Rumynii, Serbii i Turtsii [Directly and via outskirts. An excerpt from memories of a travel in the summer of 1876 in Romania, Serbia and Turkey]. *Russkiy vestnik*. 148. pp. 533–569.
35. Gur'ev, V.V. (1880) Pis'ma svyashchennika s pokhoda 1877–1878 [Letters of a priest from the campaign of 1877–1878]. *Russkiy vestnik*. 150. pp. 120–157.

36. Kozlov, A.E. (2016) [“Ten Days on Bosphorus”: on the anonymity of the travelogue]. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyy protsess* [Textology and historical literary process]. Proceedings of the conference. Moscow: BukiVedi. pp. 95–104. (In Russian).

37. Russkiy vestnik. (1880) Pis'ma P.A. Karatygina [Letters by P.A. Karatygin]. *Russkiy vestnik*. 148. pp. 119–180.

38. N. (1883) Desyat' dney na Bosfore [Ten Days on the Bosphorus]. *Russkiy vestnik*. 164:3. pp. 198–257.

39. Yanushkevich, A.S. (2014) From the world picture to the world image: the history of the imagological text formation in Russian literary culture. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2. pp. 5–16. (In Russian).